

*Жизнь коротка.
Смерть бесконечна*

I

Ты здесь, Сатана? Это я, Мэдисон. Тут, в аду, я недавно, но я ни в чем не виновата, разве лишь в том, что умерла от передоза марихуаны. И еще в том, что я толстая — настоящая свиноматка. Если в ад попадают из-за низкой самооценки, то это мой случай. Я бы хотела соврать и сказать, что я стройная блондинка с большими сиськами. Но я толстая, и, честное слово, на то есть уважительные причины.

Для начала позволь мне представиться.

Как бы адекватнее передать ощущение себя мертвой...

Да, я знаю слово «адекватный». Я мертвая, а не умственно отсталая.

Честное слово, быть мертвой гораздо проще, чем умирать. Если вы целыми днями пялитесь в телевизор, то быть мертвым вам будет раз плюнуть. Смотреть телевизор и сидеть в Интернете — отличная подготовка к посмертию.

Для наглядности я попробую описать смерть, сравнив ее с тем, как моя мама открывает ноутбук и подключается к камерам охранной системы нашего дома в Мазатлане или Банфе. «Смотри, — говорит она, развернув ноут экраном ко мне, — снег идет». На экране компьютера мягко светится интерьер нашего дома в Милане: большая гостиная,

за высокими окнами падает снег, и, удерживая комбинацию клавиш Ctrl+Alt+W, мама дистанционно раздвигает шторы. Нажимая Ctrl+D, она удаленно приглушает свет, и прямо из поезда, арендованного автомобиля или частного реактивного самолета мы любуемся красивыми зимними видами из окон нашего пустого дома на экране маминого ноутбука. Комбинацией Ctrl+F она зажигает газовый камин, и через устройство звукового контроля мы слушаем, как трещит пламя в камине, слушаем тишину итальянского снегопада за окнами. После этого мама переключается на наш дом в Кейптауне. Мониторит наш дом в Brentvude. Она одновременно пребывает везде и нигде, восхищается закатами и листвой где угодно, но только не там, где находится прямо сейчас. В лучшем случае — бдительный страж. В худшем — вуайеристка.

Моя мама может убить полдня жизни, просиживая за ноутбуком и разглядывая пустые комнаты, заставленные нашей мебелью. Дистанционно настраивая термостат. Приглушая свет и выбирая подходящий уровень громкости для музыки, звучащей в каждой комнате. «Чтобы сбить с толку потенциальных грабителей», — объясняет она. Переключаясь с камеры на камеру, мама наблюдает, как сомалийская горничная убирается в нашем парижском доме. Сгорбившись над экраном компьютера, мама вздыхает и произносит:

— В Лондоне у меня цветут жимолости...

Не отрываясь от делового раздела «Таймс», папа поправляет ее:

— Правильно говорить: «цветет жимолость».

И тогда мама хихикает и, может быть, нажимает комбинацию клавиш Ctrl+L, чтобы на расстоянии

в три континента запереть горничную в ванной комнате, потому что ей кажется, будто кафель отмыт не до блеска. Для нее это просто забавное развлечение. Воздействие на окружающий мир без физического присутствия. Заочное потребление. Так ваш собственный песенный хит прошлых лет, записанный несколько десятилетий назад, до сих пор еще крутится в голове какого-нибудь бедолагарабочего на потогонной китайской фабрике, с которым вы никогда в жизни не встретитесь. Тоже своего рода власть, но совершенно бессмысленная и бессильная.

На экране компьютера горничная ставит вазу со свежесрезанными пионами на подоконник в гостиной нашего дома в Дубае, а мама шпионит за ней через спутник по беспроводной связи, нажимает на клавиши, выставляет на кондиционере предельно низкую температуру, вымораживает весь дом, создает в комнате холод, как в морозилке, как на горнолыжном курорте, тратит целое состояние на электричество и фреон, чтобы этот несчастный, уже обреченный букетик за десять долларов простоял в вазе хотя бы на день дольше.

Вот что значит быть мертвой. Да, я знаю слово «заочный». Мне всего лишь тринадцать лет, но я не тупая, и, будучи мертвой — о, боги, — я хорошо понимать саму суть заочности.

Быть мертвой — значит путешествовать налегке.

Быть мертвой — значит быть *безостановочно* мертвой, круглосуточно, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году... всегда.

Что ты чувствуешь, когда из тебя выкачивают всю кровь? Вам лучше не знать. Наверное, зря я сказала о том, что я мертвая, потому что теперь вы,

конечно, считаете себя круче. Даже толстые, но живые, считают себя круче мертвых. И все-таки вот оно, мое страшное признание. Я скажу прямо и начистоту. Ничего не скрывая. Я мертвая. Но не будьте ко мне слишком строги.

Да, мы все кажемся друг другу немного странными и загадочными, но никто не представляется таким чужеродным, как мертвый. Мы можем простить незнакомой девице тягу к католицизму или однополю любви, но только не признание в собственной смерти. Мы ненавидим людей, потакающих своим слабостям и пристрастиям. Смерть — величайшая слабость, хуже алкоголизма и героиновой зависимости. В мире, где тебя называют лентяйкой, если ты не бреешь ноги, быть мертвой считается непростительным изъяном.

Ты как будто увливаешь от жизни, не прилагаешь серьезных усилий, чтобы реализовать свой пресловутый потенциал. *Ты тряпка и лодырь!* Быть толстой и мертвой — это, скажу вам, двойной облом.

Да, это несправедливо, но даже если вам меня жаль, вы все равно наверняка жутко довольны, что еще живы и жуете сочное мясо какого-то бедного животного, которому не посчастливилось занять в пищевой цепочке место чуть ниже вас. Я все это рассказываю вовсе не для того, чтобы вызвать сочувствие. Я девчонка тринадцати лет, и я мертвая. Меня зовут Мэдисон, и я совсем не нуждаюсь в вашей дебильной снисходительной жалости. Да, это несправедливо, но так уж устроены люди. Каждый раз при новом знакомстве у нас в голове звучит тонкий злорадный голосок: «Да, я очкарик, я толстая, я девчонка, но я хотя бы не гей, не еврей и не негр». Что означает: ну и пусть я такая, какая есть,

но мне все же хватает ума не быть такой, как ВЫ. Я поэтому и сомневалась, нужно ли признаваться, что уже умерла. Ведь живые считают себя круче мертвых, даже мексиканцы и больные СПИДом. Это как на уроке истории западной цивилизации в седьмом классе, когда вам рассказывают о величии Александра Македонского, а вы сидите и думаете: «Если он был таким храбрым и умным... таким великим... так чего же он умер?»

Да, я знаю слово «злорадный».

Смерть — Большая Ошибка, которую НИКТО из нас не собирается совершать. Отсюда хлеб с отрубями и колоноскопия. Прием витаминов и мазки с шейки матки. Хотя нет, лично вас это никак не касается — *вы никогда не умрете*, — вы круты не в пример мне, убогой. Ну, флаг вам в руки. Продолжайте тешить себя этой мыслью, мазаться солнцезащитными кремами и ощупывать себя на предмет уплотнений под кожей. Не буду вам портить Большой Сюрприз.

Но, если по правде, когда вы умрете, то, наверное, даже бомжи и дебилы с задержкой развития не захотят поменяться с вами местами. В смысле, вас будут жрать черви. Вопиющее нарушение прав человека. Смерть надо бы объявить вне закона, но «Международная амнистия» почему-то не начинает кампанию по сбору подписей. Рок-звезды не проводят совместные концерты и не выпускают хитовые синглы, вся выручка от которых пойдет на решение проблемы червей, пожирающих МОЕ лицо.

Мама заявила бы, что я опять изощряюсь в остроумии. Она сказала бы: «Мэдисон, хватит умничать». Заметила бы: «Ты уже мертвая, так что уймись».

А для папы моя смерть, наверное, стала большим облегчением, по крайней мере, теперь ему можно не беспокоиться, что я опозорю его внебрачной беременностью. Папа всегда говорил: «Мэди-сон, уж не знаю, кому ты достанешься, но мало ему не покажется...» Если бы он только знал!

Когда умерла моя золотая рыбка, Мистер Вжик, мы спустили ее в унитаз. Когда умер мой котенок Тигрик, я попыталась спустить в унитаз и его тоже, и нам пришлось вызвать сантехника, чтобы он прочистил засор в трубе. Вот такая беда. Несчастный Тигрик. Когда умерла я сама... Не буду вдаваться в подробности, но, скажем так, некий мистер Изврат Макизврат из работников морга увидел меня голой, выкачал из меня всю кровь и предался бог знает каким извращенческим плотским утехам с моим девственным тринадцатилетним телом. Может быть, я и впрямь изощряюсь в остроумии, но и сама смерть — это сплошная большая хохма. После всех перманентных завивок и уроков балета за мамины деньги меня вылизал разгоряченным языком какой-то пузатый развратник из морга.

Могу вас уверить, что мертвым приходится отказываться от претензий на личные границы. Просто поймите: я умерла не потому, что мне было лень жить. И не потому, что хотела наказать родителей. Как бы я их ни ругала, не думайте, будто я их ненавижу. Да, первое время я оставалась поблизости и наблюдала, как мама, сгорбившись над ноутбуком, жмет на клавиши Ctrl+Alt + L, запирая дверь моей комнаты в Риме, моей комнаты в Афинах, всех моих комнат по всему миру. После этого она закрыла шторы, включила кондиционеры и электростатические фильтры воздуха, чтобы ни единая

пылинка не осела на моих куклах, одежде и мягких игрушках. Я, конечно, скучаю по маме и папе сильнее, чем они сами скучают по мне: они любили меня только тринадцать лет, а я их — всю жизнь. Уж простите, что не задержалась подольше, но мне не хочется, будучи мертвой, наблюдать за живыми со стороны, вымораживать комнаты, мерцать светом, раздвигать и задерживать шторы. Не желаю быть обычной вуайеристкой.

Да, это несправедливо, но земля превращается для нас в ад именно потому, что мы ждем, что она будет похожа на рай. Земля — это земля. Смерть — это смерть. Скоро сами поймете. И нет смысла скорбеть.

II

Ты здесь, Сатана? Это я, Мэдисон. Только не думай, что мне не понравился ад. На самом деле тут даже прикольно. Гораздо лучше, чем я ожидала. Сразу видно, как тщательно ты проработал детали: бурлящие океаны обжигают горячей блевотины, смрадные испарения серы и тучи черных жужжащих мух.

Если мое описание ада вас не впечатляет, считайте это моей недоработкой. В смысле, да что я знаю? Любой взрослый, наверное, обоссался бы со смеху, увидев стаи летучих мышей-вампиров и величественные каскады вонючего дерьма. Я сама виновата, ведь я всегда представляла себе ад как огненную версию классического голливудского шедевра «Клуб “Завтрак”», где, как мы помним, пятерых старшеклассников — компанейскую красотку-чирлидершу, бунтаря-наркомана, тупого спортсмена, умника-ботана и мизантропическую девочку-психопатку — заперли в школьной библиотеке в обычный субботний день в качестве наказания за какие-то мелкие проступки, только в моем представлении все книги и стулья полыхают огнем.

Да, может, вы мексиканец, старик или гей, но живой, *поэтому* считаете себя круче меня, только учтите, что у *меня*-то был опыт — реальный опыт

пробуждения в первый день в аду, — и вам придется поверить мне на слово. Да, это несправедливо, однако забудьте про пресловутый туннель яркого белого света, где покойные дедушка с бабушкой встретят вас с расprostертыми объятиями; другие люди, вероятно, рассказывали об этом благостном переживании, но учтите: они все еще живы или прожили достаточно долго, чтобы успеть поведать о своих впечатлениях. Я вот о чем: у этих людей было то, что вполне четко обозначается как «около-смертные переживания». Я же, напротив, мертва, из меня давно выкачали всю кровь, и меня пожирают черви. Так что, наверное, следует прислушаться к моему авторитетному мнению. А все остальные, как, например, знаменитый итальянский поэт Данте Алигьери, как сие ни прискорбно, преподносят читающей публике щедрые порции пафосных небылиц.

Вы, конечно, вольны пренебречь моим мнением, но потом пеняйте на себя.

Вы очнетесь на каменном полу в мрачной клетке из железных прутьев, и я настоятельно рекомендую ничего не трогать. Эти прутья до ужаса грязные и даже вроде бы склизкие от плесени и чужой крови. Если все же случайно до них дотронетесь, **НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ** к своему лицу и одежде, коли вам хочется сохранить презентабельный вид к Судному дню.

И НЕ ЕШЬТЕ конфеты, разбросанные по земле.

Я точно не помню, как именно оказалась в подземном мире. Помню шофера, стоявшего рядом с черным лимузином, припаркованным у обочины фиг знает где. Водитель держал в руках белую табличку с корявой надписью большими буквами:

«МЭДИСОН СПЕНСЕР». Сам он — такие никогда не говорят по-английски — был в зеркальных темных очках и фуражке с большим козырьком, так что его лица было почти не видно. Помню, как он открыл заднюю дверцу, и я села в машину; после этого мы ехали долго-долго, и сквозь затемненные стекла ничего было толком не разглядеть, но, по ощущениям, это могла быть любая из десяти миллиардов поездок, которые мне довелось совершить между аэропортами и городами. Не могу утверждать, что именно тот лимузин привез меня в ад, а потом я проснулась уже в грязной клетке.

Вероятно, меня разбудил чей-то крик; в аду постоянно кто-то кричит. Если вам доводилось лететь из Лондона в Сидней, сидя рядом с капризным младенцем или в непосредственной близости от него, значит, вы уже имеете представление о том, как все будет в аду. Незнакомые люди, шумная толпа, бесконечные часы ожидания, когда не происходит вообще ничего, — ад покажется вам сплошным затяжным ностальгическим приступом дежавю. Особенно если в полете вам показывали фильм «Английский пациент». В аду, когда демоны объявляют, что собираются устроить для своих подопечных просмотр голливудского блокбастера, не спешите радоваться, потому что это всегда будет либо «Английский пациент», либо, увы, «Пианино». Но не «Клуб “Завтрак”».

А что касается вони, то ад не идет ни в какое сравнение с Неаполем летом, во время забастовки мусорщиков.

По-моему, в аду люди кричат, просто чтобы услышать собственный голос и скоротать время. Однако жаловаться на ад лично мне кажется

слишком банальным и эгоистичным. Нас часто тянет на нечто заведомо неприятное, потому что почти в любой гадости есть своя прелесть. Например, замороженный пирог с курицей или готовые стейки-полуфабрикаты в школьном интернате, когда повариха берет выходной. Или любая еда в Шотландии. Осмелюсь предположить, что единственная причина, по которой мы получаем какое-то удовольствие от просмотра «Долины кукол», заключается в ощущении покоя от привычного, заведомо низкого качества, не претендующего на нечто большее.

А претенциозный «Английский пациент» отчаянно тщится казаться глубоким, но получается только мучительно скучным.

Прошу прощения, что повторяюсь, но земля превращается для нас в ад именно потому, что мы ждем, что она будет похожа на рай. Земля — это земля. Ад — это ад. А теперь хватит ныть и скулить.

Исходя из всего вышесказанного, если вам претит банальность, лучше не рыдать, не биться в истерику и не рвать на себе одежду, оказавшись в аду в неочищенных сточных водах или на ложе из раскаленных бритвенных лезвий. Это... лицемерие. Все равно что купить билет на «Жана де Флоретта» без дубляжа, а потом возмущаться, что все актеры говорят по-французски. Или приехать в Лас-Вегас и сетовать на тамошнюю вульгарность. Разумеется, даже в крутых казино с претензией на элегантность, с их хрустальными люстрами и витражами, неизменно грохочут пластмассовые игровые автоматы, призывно мигающие огоньками, чтобы завладеть вниманием публики. В таких ситуациях люди, которые ноют и стонут, наверняка полагают, что их

мнение будет кому-то полезно, но на деле они только всех раздражают.

Еще одно важное правило, его не грех повторить: «Не ешьте конфеты». Впрочем, вы сами вряд ли соблазнитесь, потому что они валяются на грязной земле, и такие конфеты НЕ ПРЕЛЬСТЯТ даже толстых обжор и героиновых наркоманов: леденцы, затвердевшая в камень жевательная резинка «Базука», лакричные шарики «Сен-Сен», ириски с морской солью и «снежки» из попкорна.

Поскольку вы сами пока еще живы, будь вы хоть чернокожий, хоть еврей, хоть еще кто-нибудь, — молодцы, так держать, продолжайте и дальше жевать свои хлебцы из отрубей, — вам придется поверить мне на слово, так что слушайте очень внимательно.

По обе стороны от вашей клетки тянутся точно такие же, до самого горизонта. Почти в каждой — по одному заключенному, и почти все орут благим матом. Как только я открываю глаза, то сразу слышу девчоночий голос:

— Не трогай решетку!

Девочка-подросток в соседней клетке демонстрирует мне свои грязные руки, широко растопырив пальцы. В аду и вправду большие проблемы с плесенью, словно весь подземный мир поражен синдромом больного здания.

Моя соседка, как я понимаю, уже старшеклассница, потому что у нее хорошо развиты бедра, обтянутые прямой узкой юбкой, и у нее есть настоящая грудь, а не просто оборки и плиссировка для создания объема на блузке в известном месте. Даже сквозь клубы дыма и случайные силуэты летучих мышей-вампиров, мелькающих в воздухе, я вижу,

что ее туфли от Маноло Бланика — подделка из тех, что тайком покупаются в Интернете за пять долларов на сингапурском пиратской сайте. Если вам еще не надоели мои советы: НЕ умирайте в дешевой обуви. Ад для обуви... это ад. Все, что из пластика, плавится сразу, а вам вряд ли захочется целую вечность ходить босиком по битому стеклу. Когда придет ваше время, когда по вам прозвонит пресловутый колокол, серьезно подумайте о мокасинах вроде «Басс Уиджен» на удобном низком каблучке и, желательно, темного цвета, на котором не видно грязи.

Девушка-старшеклассница в соседней клетке спрашивает у меня:

— За что тебя прокляли?

Я встаю, потягиваюсь и отряхиваю свою юбку-шорты.

— Видимо, за курение марихуаны.

Больше из вежливости, чем из искреннего интереса, я спрашиваю о ее собственном смертном грехе.

Девушка пожимает плечами и показывает грязным пальцем себе на ноги.

— Носила белые туфли после Дня труда.

Туфли унылые, да. Белая суррогатная кожа уже вся потертая, а контрафактные «маноло бланики» не поддаются очистке.

— Красивые туфли, — вру я, кивнув на ее ноги. — Это Маноло Бланик?

— Да, — лжет она. — Дорогушие — страшное дело.

Еще одна важная подробность об аде... Кого бы вы ни спросили, за что их прокляли на веки вечные, вам непременно ответят: «переходил улицу в

неположенном месте» или «носила черную сумочку с коричневыми туфлями», или еще какую-нибудь ерунду. Глупо рассчитывать, что в аду люди будут держаться высоких стандартов честности. Хотя то же самое относится и к земле.

Девушка в соседней клетке подходит еще ближе к прутьям и, не сводя с меня глаз, произносит:

— Знаешь, а ты симпатичная.

Эти слова сразу же разоблачают ее как откровенную лгунью из высшей лиги лгунов, но я молчу.

— Нет, правда, — говорит она. — Тебе нужно только поярче подкрасить глаза.

Она уже роется у себя в сумочке — тоже белой, поддельной «Коуч» из пластика, — достает тушь для ресниц и бирюзовые компакт-тени «Эйвон». Машет мне грязной рукой, чтобы я подошла и просунула лицо между прутьями.

Как подсказывает мой опыт, девочки в массе своей очень умные, пока у них не вырастает грудь. Конечно, вы можете отмахнуться от этого наблюдения, считая его моим собственным предрассудком, и списать все на мой нежный возраст, но мне кажется, что к тринадцати годам человек достигает полного расцвета ума и окончательно формируется как личность. Это касается всех: и девочек, и мальчиков. Не хочу хвастаться, но я уверена, что именно в тринадцать лет человек обретает свою предельную исключительность — возьмем, для примера, тех же Пеппи Длинныйчулок, Поллианну, Тома Сойера и Несносного Денниса, — а потом начинаются всякие душевные терзания под влиянием взыгравших гормонов и разрушительных гендерных ожиданий. Как только у девочки случается первая менструация, а у мальчика — первая ночная поллюция, они